

Единомышленники

В декабре 2003 года исполнилось 200 лет со дня рождения Ф.И. Тютчева. Имя великого русского поэта симбирянам вдвойне дорого, потому что с нашим земляком Д.П. Ознобишиным его связывала многолетняя дружба. Студенческая пора 16-летнего Федора Тютчева и 15-летнего Дмитрия Ознобишина началась осенью 1819 года в Москве. Несмотря на то, что Тютчев был студентом словесного факультета университета, а Ознобишин воспитанником Благородного пансиона при университете, занимались они обычно в одних и тех же зданиях, общими были и некоторые профессора, оба они стали членами литературного "Общества друзей", собиравшегося на квартире поэта и переводчика Семена Егоровича Раича, бывшего домашнего учителя в семье Тютчевых.

В 1821 году Ф. Тютчев защитил кандидатскую диссертацию и вскоре уехал в Мюнхен на службу при русской дипломатической миссии. Примечательно, что с этой же поры секретарем "Общества друзей", в котором состояли М.П. Погодин, М.А. Дмитриев, С.П. Шевырев, А.И. Писарев, В.П. Титов, В.Ф. Одоевский, А.С. Норов, М.А. Максимович, А.Н. Муравьев, В.И. Оболенский и другие одаренные личности, будущие профессора и литераторы, по рекомендации С. Раича был избран Дмитрий Ознобишин.

Ф. Тютчев из мюнхенского далека поддерживал тесные связи с С. Раичем, присылал стихи для публикации. Само собой разумеется, что С. Раич и Д. Ознобишин, комплектуя в 1826 году состав альманаха "Северная лира", уделили творениям Тютчева особое внимание, включив шесть его стихотворений (в то время, как Д. Веневитинов, М. Дмитриев, П. Вяземский, М. Погодин, В. Одоевский удостоились лишь по одному стихотворению).

Пребывание Тютчева за рубежом затянулось на двадцать два года, лишь несколько раз свои отпуска он использовал для посещения Москвы. Что касается Д. Ознобишина, то в 1828 году он вышел в отставку и, покинув перестольную, вернулся в родимый симбирский край. Однако, благодаря Семену Раичу, издававшему в Москве журнал "Галатея", стихи Федора Ивановича и Дмитрия Петровича в 1829 и 1830 годах соседствовали и в этом издании. Время от времени новинки их творчества оказывались рядом в альманахе "Денница" М. Максимовича, журнале "Телескоп" Н. Надеждина, газете "Молва" (приложении к "Телескопу"), а с середины 1840-х годов и в журнале "Москвитянин" М. Погодина.

В поэзии Ознобишина и Тютчева отражались одни и те же события, которые иногда становились сюжета-

ми для их творческого соревнования.

Первым по важности таким событием стала Крымская война. После того, как 18 ноября 1853 года российская эскадра под командованием адмирала Нахимова уничтожила турецкий флот в его порту Синоп, а войска генерала Василия Бебутова разгромили турецкую армию под Карсом, объединенные вооруженные силы Англии и Франции стали готовиться к вторжению в пределы России.

Дмитрий Ознобишин той тревожной зимой находился в Петербурге и, подобно П. Вяземскому, Ф. Тютчеву, С. Шевыреву, другим поэтам-патриотам, откликнулся на происходящее стихотворением "Был век", которое в 1854 году сначала появилось в "Пензенских губернских ведомостях", а затем в "Москвитянине" и "Северной пчеле". В нем наш поэт с гневом обличал правительства Англии и Франции, пославшие эскадры в Черное море и, как бы предупреждая о тяжелых для них последствиях, уверял, что "пожар Синопа не угас":

*Не нов в боях наш юный флот!
Под Чесмой помнят исполина!
И слава русская живет
В разгроме грозном Наварина!*

Трудно сказать, встречались ли Тютчев и Ознобишин той зимой в столице, но Федор Иванович, словно проявляя солидарность с нашим поэтом, в своем стихотворном "Спиритическом предсказании" заявил:

*Дни настают борьбы
и торжества,
Достигнет Русь
завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех столиц.*

Между тем вражеские эскадры атаковали Одессу, Севастополь, Керчь, Петропавловск-на-Камчатке, Свеаборг и Кронштадт...

Дмитрий Петрович не падает духом и в апреле 1855 года помещает в

"Москвитянине" стихотворение "Сподвижникам Луны" (под ними подразумевались турки и их союзники: Англия, Франция и Сардиния). И на сей раз поэт, восхищаясь героизмом защитников Севастополя, выражает уверенность, что:

Пройдут века...

*К морской твердыне
Паломник свой направит путь:
Воздаст хвалу родной святыне
В молитве храбрых помянуть.*

Любопытнейшим свидетельством его патриотического настроения является альбом "Карикатуры на современную войну", изданный в Москве летом 1855 года. В этом альбоме, поступившем недавно в Ульяновск из Парижа от Н.Н. Ознобишина, имеется 10 листов с литографическими рисунками и сатирическими подписями под ними. Характерным листом альбома является карикатура, изображающая русскую крепость, перед которой огромный крест с надписью: "Под крестом сим лежат кости французов и два-надесяти язык в 1812 году. Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог". Текст этот виден неприятелям, на знаменах которых надписи: "Англия", "Франция", "Сардиния", "Турция".

Увы, Крымская война кончилась поражением николаевской России. Возмущенный Ф. Тютчев в эпиграмме-эпитафии Николаю I под тяжким впечатлением от падения Севастополя набросал уничижительные строки об императоре, скончавшемся 18 февраля 1855 года:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые —
Все было ложь в тебе,*

все призраки пустые:

Ты был не царь, а лицедей.

Эти обличительные строки увидят свет только в 1922 году, но недовольство прогнившей крепостнической

системой, приведшей к военно-технической отсталости России, стало настолько широким, что отзвуки его проникают в печать. Даже Д. Ознобишин, реагируя на толки о том, что одной из причин поражения в войне стало отсутствие железнодорожного сообщения центра с Крымом, в марте 1855 года пишет басню "Почтовый колокольчик и дорога". Передав в аллегорической форме полемику между колокольчиком и шоссе, в ходе которой указывалось, что Запад и Новый Свет (США) уже "железных рельс оделися в корсет", поэт-симбианин завершил басню словами:

*Боюсь, чтоб эту басню
не счел кто за упрек,
Я личности ничьей не задеваю.
Хвалы достоин труд,
и честь тому, кто мог
Дорогой первую служить
родному краю;
Но должно веку вслед идти.
Ошибка не беда! Не медли
в исправленье!
Все сделать вовремя —
великое умение!
С ним прорицателей
не встретить на пути.*

В связи с заявлением автора, что в басне "ничьей личности не задевает", уместно привести то место из его "Путевого дневника", где воссоздана встреча с Федором Тютчевым летом 1847 года в Германии: "Мы с ним о многом побеседовали. Действительно, замечание его справедливо; железная дорога уничтожила и постепенно будет уничтожать существование маленьких городков, находящихся на тракте; мелкая промышленность их уничтожится, и все это перейдет в большие города, которые чрез это будут жить двойной жизнью. Будет ли от этого польза целому государству и не будет ли это мешать развитию общественного благосостояния — вопрос этот разрешит время; но то уже верно и очевидно, что железные дороги скорее всего разовьют общезнательность — быстрым сближением и обменом мыслей; иной никогда бы не заглянул в ту сторону, куда теперь соблазняет его отправиться железная дорога своей дешевизною и быстротою поездки. Это должно будет осуществиться и на нашей Московской дороге; это еще более будет заметно на дорогах, которые пойдут на Казань или на Саратов".

Как видим, даже такой глубокий мыслитель, как Федор Тютчев, в 1847 году не вполне был уверен в полезности развития железных дорог для России и общественного благосостояния.

Среди многих проблем, которые

волновали обоих поэтов, очень злободневной являлась проблема освобождения крестьян от крепостной зависимости. Вот почему сразу же после издания Александром II манифеста от 19 февраля 1861 года, Ф. Тютчев с признательностью напишет строки:

*Он рабский образ
сдвинул с человека
И возвратил семье
меньшую братию.*

А Дмитрию Ознобишину пришлось на практике осуществлять это освобождение крестьян и быть активным деятелем еще и судебной реформы. О главном в преобразованиях Александра II он тоже сказал стихами:

*Сложил с крестьян
тяжелые оковы;
Установил и всем открытый,
гласный суд.*

Либеральная интеллигенция России возлагала большие надежды на наследника престола великого князя Николая Александровича. Однако несмотря на все старания врачей, 12 апреля 1865 года он скончался от чахотки в средиземноморской Ницце. Ф. Тютчев свою скорбь выразил в стихотворении:

*Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...*

Д. Ознобишин, имевший случай лично встречаться с наследником в Симбирске, тоже сразу же откликнулся на роковую весть:

*Невольню всех сердца
к себе он влек
К нему неслись люди
свободных клики,
В нем каждый зрел
благ будущих залог,
Надеждою сияли всюду лики!..*

Также синхронно Ф. Тютчев и Д. Ознобишин почтили 1 декабря 1866 года столетие со дня рождения Н.М. Карамзина. В Симбирске участники торжественного заседания рукоплескали словам Дмитрия Петровича о земляке — историографе государства Российского:

*Кто время Грозного,
бесстрастный и свободный,
Деянья темные
потомству передал;
Впервые нам раскрыл
язык престопадный;*

Русь миру указал!

А в Петербурге Федор Тютчев писал в похвальном слове Н.М. Карамзину:

*Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...*

Редкостное единодушие проявили Федор Иванович и Дмитрий Петрович весной 1867 года в связи с прибытием в Россию участников Славянского съезда. На состоявшемся 11 мая банкете в петербургском Дворянском собрании дорогих гостей писатель Б.М. Маркевич приветствовал тютчевским посланием "Славянам". Это стихотворение одновременно являлось отповедью министру иностранных дел Австро-Венгрии фон Бейсту, посмевшему публично заявить с угрозой: "Славян должно прижать к стене". Отвечая этому графу-расисту, Тютчев вразумляюще подчеркивал:

*Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...
Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом бозатыри.
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то, чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.*

Дмитрий Ознобишин присутствовал на этом банкете и, словно вдохновленный тютчевским приветствием, сразу же создал свое послание "Славянам", которое через день отправил в Москву академику Михаилу Погодину, издателю-редактору газеты "Русский". В сопроводительном письме он сообщил, что "талантливые поэты Ф.И. Тютчев и А.Н. Майков" воспевают прибывших в Петербург славян, а он сам "как москвич" высылает свое приветствие "милым славянским гостям". "Полагаю, продолжал Дмитрий Петрович, — что цензура московская, куда предварительно должны быть представлены мои стихи до публичного их чтения при гостеприимной московской трапезе, будет к ним столь же снисходительна, как и петербургская к стихам здешних поэтов (Тютчева и Майкова. — Ж.Т.). Я не напрашиваюсь на это чтение, — продолжал поэт со свойственной ему скромностью, — в особенности если есть стихотворные приветствия уже приготовленные для публичного чтения; они, без сомнения, будут и лучше моих; в таком случае прошу предать ныне присылаемые уничтожению".

Послание Ознобишина не поспело к торжественному приему славянской делегации, устроенному в Москве 16 мая, но Погодин поместил его 22 мая в газете "Русский", и оно теперь входит в поэтические сборники Дмитрия Ознобишина.

Важным событием в жизни Европы стала вспыхнувшая в июле 1870 года война между Францией, возглавляемой сумасбродным императором Наполеоном III, и Пруссией, где номинально правил Вильгельм I, а фактически его канцлер Бисмарк. Отзвуки этой войны благодаря телеграфной связи быстро достигали и Симбирска, где Д. Ознобишин создал “Шуточные реляции в стихах о франко-прусской войне 1870 и 1871 годов”. Замечу, что семь реляций /донесений/ являются отнюдь не “шуточными” и лишь пять лет спустя Дмитрий Петрович сможет издать их в виде брошюры, да и то с подзаголовком: “Литературная импровизация”.

Эпиграфом для этой брошюры поэт взял русскую народную пословицу “Ах, зачем было огород городить?”. Своеобразное объяснение этой народной мудрости содержится в письме Ф. Тютчева своей дочери в июле 1870 года, в связи с франко-прусской войной. Полагая, что падение Франции приведет к объединению германских государств, лидеры которых лелеют мечту о своем господстве в Европе, включая и Россию, Федор Иванович с горечью заметил: “И подумать только, что постановке этого великолепного спектакля способствовал скоморох, именующийся Наполеоном III! В результате он явится восстановителем империи, но только не своей, а империи вражеской”.

Точно так же отреагировал в эти летние дни 1870 года в своем симбирском далеке и Д. Ознобишин на авантюрную внутреннюю и внешнюю политику Наполеона III, обернувшуюся позорными поражениями:

*А недавно, ныне летом,
Разъезжая по полкам,*

Хвастал он пред целым светом:

“Немцу пфеффеля задам!”

А на деле вышло иное:

Быстро битва шла за битвой:

Немцы идут все вперед,

И с итыком, стоят как с бритвой,

У парижских у ворот.

Упомянув в реляциях от 6 и 22 августа 1870 года о том, что в сражении у стен крепости Седан целая французская армия вместе с Наполеоном III попала в плен, а в Париже восставшие горожане провозгласили установление Республики вместо монархии, поэт указал на причины позорного поражения:

Позабудутся невзгоды

Тяжких царственных годов,

Истязания свободы,

Ссылки доблестных сынов;

Миллионов расхищенье

Для безумственных растрат,

Нравов роскошью растлен;

Биржей созданный разврат;

Двор из челяди бездушной;

Все, что Францию томит!..

По твердому убеждению Д. Ознобишина, Императору Наполеону III лучше было принять смерть в бою, нежели сдаваться в плен – тогда, мол, он бы “с славным именем героя в сонм бы встал земных владык”:

А теперь без сожаленья

На него взирает мир,

И подняв с земли каменя,

С громким хохотом презренья,

Мечет в сверженный кумир!

Досталось в “Шуточных реляциях” и канцлеру Бисмарку, настоявшему на отторжении от Франции Лотарингии и Эльзаса и взыскании с оккупированной Франции пяти-миллиардной контрибуции в пользу Германии.

В заключительной седьмой реля-

ции, от 18 февраля 1871 года Дмитрий Петрович, обращаясь к населению осажденного Парижа, призвал равняться на москвичей в 1812 году, когда они “свой престольный град сожгли”:

На московском пепелище,

Враг недолго ликовал!

Нес нам цепь – нашел кладбище

И с позором вдаль бежал!

Он бежал и наг, и босый,

По снегам, при свисте выюг...

Вместе с тем поэт категорически против участия России во франко-прусской войне:

К Богу возношу мольбу,

Чтоб не вдаваться нам в борьбу,

Чтобы чаши сей к краям

Не прильнуть устами нам!

Пусть кем налита она,

Выливается до дна!

Поразительно, как эта позиция перекликается с суждением Ф. Тютчева, высказанным в стихотворении “Два единства”:

Из переполненной господним

гневом чаши

Кровь льется через край,

и Запад тонет в ней.

Кровь хлынет и на вас,

друзья и братья наши!..

Славянский мир, сомкнись тесней...

Под “оракулом” подразумевается Бисмарк, правая рука императора Вильгельма I, дяди Александра II. И, как видим, в отличие от правящей верхушки России, симпатизировавшей императорской родне, поэты Федор Тютчев и Дмитрий Ознобишин и на сей раз были единомышленниками, предугадавшими опасность для Европы роста военной мощи объединенной Германии.

Жорес Трофимов